

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

БИБЛЕИСТИКА

ГЕНЕРАТИВНАЯ НАРРАТОЛОГИЯ И НАРРАТИВНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

ЧАСТЬ 2: ГЕНЕРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ В. ШМИДА
И ЕЁ ПРИМЕНЕНИЕ К БИБЛЕЙСКОМУ
ПОВЕСТВОВАНИЮ

Священник Дмитрий Барицкий

кандидат богословия, кандидат филологических наук
доцент по кафедрам филологии и библеистики Московской
духовной академии
141312, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
baricky1981@yandex.ru

Для цитирования: *Барицкий Д., свящ.* Генеративная нарратология и нарративная герменевтика Священного Писания. Часть 2: Генеративная модель В. Шмида и её применение к библейскому повествованию // Богословский вестник. 2026. № 1 (60). С. 18–34. DOI: 10.31802/GB.2026.60.1.001

Аннотация

УДК 801.73 (27-277.2)

В статье предпринимается попытка применить результаты современных нарратологических исследований к изучению библейского текста. Автор сосредоточил внимание на достижениях в сфере генеративной нарратологии и рассматривает четырёхуровневую модель порождения повествования В. Шмида, а также опыт использования генеративных моделей в западноевропейской библейской науке. Автор применяет модель В. Шмида к евангельскому повествованию. Приведённая иллюстрация наглядно демонстрирует, что ясное представление о структурной организации текста может иметь важное методологическое

значение для нарративной герменевтики библейского повествования и, шире, для описания процесса смыслопорождения в рамках христианской экзегетической традиции.

Ключевые слова: Священное Писание, герменевтика, генеративная нарратология, нарративная герменевтика, нарратив, повествование, смыслопорождение, смысл, нарративные трансформации, фабула и сюжет, история и дискурс, экзегеза.

Статья поступила в редакцию 13.1.2025; одобрена после рецензирования 3.2.2025

Generative Narratology and Narrative Hermeneutics of Holy Scripture. Part 2: Wolf Schmid's Generative Model and Its Application to the Biblical Narrative

Priest Dmitry Baritskiy

PhD in Theology, PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Philology, Moscow Theological Academy

Associate Professor at the Department of Biblical Studies, Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141312, Russia

baricky1981@yandex.ru

For citation: Baritskiy, Dmitry, priest. "Generative Narratology and Narrative Hermeneutics of Holy Scripture. Part 2: Wolf Schmid's Generative Model and Its Application to the Biblical Narrative". *Theological Herald*, no. 1 (60), 2025, pp. 18–34 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2026.60.1.001

Abstract. The article attempts to apply the findings of modern narratological research to the study of the biblical text. The author focuses on advancements in the field of generative narratology, specifically examining Wolf Schmid's four-tier model of narrative generation alongside the experience of utilizing generative models in Western European Biblical studies. The author applies Schmid's model to the Gospel narrative. The provided illustration demonstrates that a clear understanding of the structural organization of a text can be of significant methodological importance for the narrative hermeneutics of the biblical narrative and, more broadly, for describing the process of meaning-making within the Christian exegetical tradition.

Keywords: Holy Scripture, hermeneutics, generative narratology, narrative hermeneutics, narrative, storytelling, meaning-making, meaning, narrative transformations, fabula and syuzhet, story and discourse, exegesis.

The article was submitted on 1/13/2025; approved after reviewing on 2/3/2025

Модель В. Шмида

Во второй части нашего исследования рассмотрим четырёхуровневую генеративно-нарративную модель В. Шмида, которая будет использоваться в дальнейшей работе. При построении этой модели гамбургский учёный-славист, с одной стороны, учитывает предыдущие наработки в области генеративной нарратологии, с другой, предлагает большую степень дифференциации генеративных явлений повествовательного текста.

1. Событие (*нем.* Geschehen, «происходящее»). По словам В. Шмида, «это совершенно аморфная совокупность ситуаций, персонажей и действий, содержащихся так или иначе в повествовательном произведении (т. е. эксплицитно изображаемых, имплицитно указываемых или логически подразумеваемых), поддающаяся бесконечному пространственному расширению, бесконечному временному прослеживанию в прошлое, бесконечному расчленению внутрь и подвергающаяся бесконечной конкретизации. Другими словами — это фикциональный материал, служащий для нарративной обработки»¹.

Уровень событий, по замечанию В. Шмида, не является исходным сырьём. Это жизненный материал, который уже подвергся в сознании автора определённой интерпретации, а потому в той или иной степени обладает эстетической значимостью. Речь идёт об авторской мифологии, о мире произведения, который живёт в представлении писателя и обладает определёнными характеристиками (временными, пространственными, причинно-следственными, аксиологическими и т. п.)

Аналогом является уровень изобретения (*лат.* inventio) риторического канона, на этом уровне оратор разрабатывает предметную сферу своей речи. Он определяет стратегию, которой будет придерживаться, формирует замысел высказывания, разворачивает тему через подбор соответствующего материала. По сути, он обращается к той модели действительности, которая живёт в его сознании и которую он собирается презентовать аудитории.

2. История (*нем.* Geschichte, *букв.* «то, что произошло»), здесь «[есть] результат смыслопорождающего отбора ситуаций, лиц, действий и их свойств из неисчерпаемого множества элементов и качеств событий»².

1 Шмид В. Нарратология. Москва, 2003. (Studia philologica). С. 158.

2 Там же.

Автор не говорит в своём произведении обо всём. Он выбирает наиболее релевантные, с точки зрения его замысла, элементы событийного мира. Уровень истории, согласно В. Шмиду, и есть результат подобной выборки. Причём важно заметить, что на этом уровне, несмотря на конкретизацию, все выбранные элементы, расположены в своём естественном порядке (*лат.* *ordo naturalis*).

3. Наррация (*нем.* *Erzählung*, «повествование») — это результат композиционного расположения выбранных элементов событийного мира. Таким образом, история презентуется на этом уровне в искусственном порядке (*лат.* *ordo artificialis*). По словам В. Шмида, основными приёмами композиции являются линеаризация и перестановка частей истории. В первом случае речь идёт о способности произведения тем или иным образом говорить о событиях, которые происходят одновременно. Во втором случае имеется в виду нарушение естественного хронологического порядка, которому следуют события на предыдущих уровнях.

По аналогии с античной риторикой, история и наррация соответствуют уровню диспозиции (от *лат.* «*dispositio*» — «расположение», «распределение»), на котором оратор выбирает материал, накопленный в результате изобретения, и располагает его в определённой последовательности.

4. Презентация наррации (*нем.* *Präsentation der Erzählung*) — это результат вербализации наррации, речевая ткань произведения, его дискурс. В отличие от трёх предыдущих уровней, которые можно выделить лишь при помощи абстракции, это уровень доступен эмпирическому наблюдению. Проводя аналогию с риторическим каноном, его можно сравнить с элокуцией (с *лат.* «*elocutio*» — «словесное выражение» или «языковая объективация») — тем этапом, на котором оратор создаёт текст высказывания, выбирая те или иные языковые средства и уделяя внимание тем или иным стилистическим приёмам.

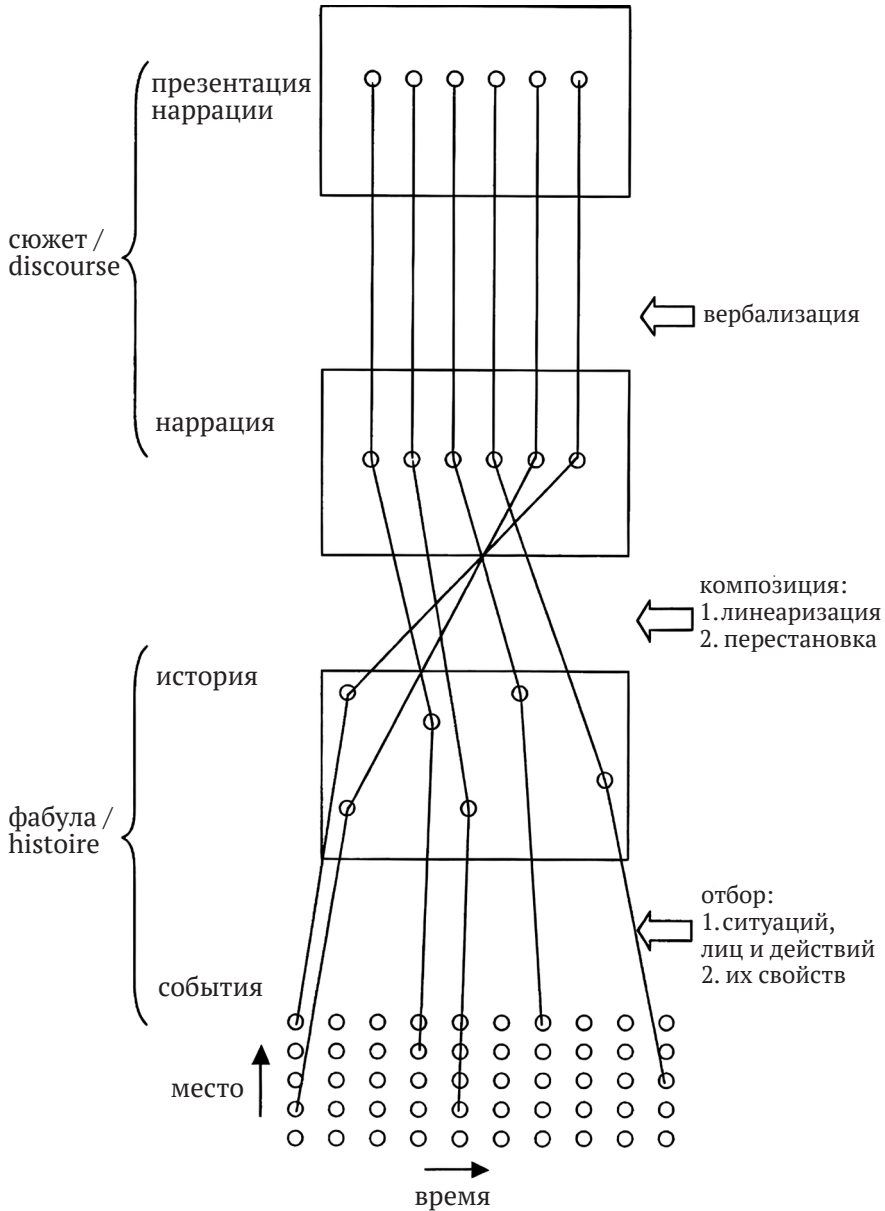
Четыре уровня своей генеративной модели В. Шмид соотносит с формалистской дихотомией: *фабула* — *сюжет*, и обобщает результаты этой работы в следующей схеме. (См. далее: Схема 1).

Генеративные уровни библейского повествования

Генеративные модели, предложенные в рамках изучения фикциональных текстов представителями формализма и структурализма, можно вполне перенести на библейское повествование, и не только потому, что нарратив Священного Писания обладает всеми признаками

Схема 1. Соотношение порождающей модели нарративного конституирования и формалистской оппозиции «фабула – сюжет»

Источник: Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 160. © В. Шмид, 2003

литературного произведения³, но в первую очередь по той причине, что ступени формирования текста, которые выделяет генеративная нарратология, свойственны как для фикционального, так и для фактуального повествования⁴.

Важно отметить, что учёные-библеисты заимствуют наработки светской науки⁵. Так, например, **Д. Маргера** и **И. Буркен** выделяют два уровня нарратива: *story* и *discourse*. В определении этих терминов они, по их собственным словам, следуют С. Чатмэну: *story* — то, что рассказывается (рассказываемые события, изъятые из их ситуации в контексте рассказа и расположенные в хронологическом порядке), *discourse* — это нарративизация событий, то, как они рассказываются⁶. В качестве примера приводится сказка о Красной Шапочке. *Story* этой сказки может быть представлена в виде краткого пересказа, резюме, в то время как её *discourse* включает в себя структуру, стиль и расположение элементов. Чтобы окончательно прояснить свою мысль, авторы приводят пример с опросом свидетелей автомобильной аварии. Каждый из опрошенных предлагает собственную версию произошедшего, то есть свой *discourse*. Задача полицейского — восстановить, как событие произошло на самом деле. Отчёт в его протоколе и будет являться *story* инцидента. Авторы делают важное пояснение: несмотря на фактологический (а не фикциональный) характер текста, полицейская версия — это именно

3 О литературности Священного Писания см., например: *Alter R. The World of Biblical Literature. New York (N.Y.), 1992; Gabel J.B., Weeler C.B. The Bible as Literature: An Introduction. New York (N.Y.), 1986; Frye N. The Great Code: The Bible and Literature. New York (N.Y.), 1982; Вайс М. Библия и современное литературоведение. Метод целостной интерпретации. Иерусалим; Москва, 2001; Гальбуати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии (Ветхий Завет). Милан; Москва, 1992; Райкен Л. Библия как памятник художественной литературы. Киев; Санкт-Петербург, 2002.*

4 Автор статьи придерживается точки зрения, согласно которой фикциональность и фактуальность не определяются ни структурными характеристиками произведения, ни содержанием авторской интенции. Скорее «вымышленность или фактуальность научных теорий определяется точкой зрения участников процесса коммуникации, контекстом и прагматической ценностью полученных знаний» (Клейменова В.Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 143. С. 98). Иными словами, фикциональность и фактуальность — это результат конвенции, существующей в читательском сообществе.

5 Более подробнее см.: *Marguerat D., Bourquin Y., Durrer M. How to Read Bible Stories: An Introduction to Narrative Criticism. London, 1999. P. 18–28; Powell M. What is Narrative Criticism? Minneapolis (Minn.), 1990. P. 23–34; Ska J.L. «Our Fathers Have Told Us»: Introduction to the Analysis of Hebrew Narratives. Roma, 2000. P. 5–6; Sternberg M. The Poetics of Biblical Narrative. Ideological Literature and Drama of Reading. Bloomington (Ind.), 1987. P. 1–8.*

6 См.: *Marguerat D., Bourquin Y. How to Read Bible Stories. P. 18.*

story, а не *history*. *Story* литературна. Она реконструируется из *discourse* (по сути, перед нами модель *histoire / discours* Ц. Тодорова, согласно которой *фабула* вторична по отношению к *сюжету*, поскольку восстанавливается из него).

Такой подход разделяет и **М. Штернберг**.

«[Для него] “*discourse*” — конкретное повествование, в его актуальной форме. Это то, что читатель имеет перед глазами. А “*story*” — абстрактная реконструкция, в которой читатель переставляет элементы “*discourse*” в логическом и хронологическом порядке и восполняет пробелы»⁷.

Примечательно, что **М. Пауэл** тоже ссылается на С. Чатмэна. Так же, как Д. Маргера, И. Буркен и М. Штернберг, он заимствует для своей работы понятия *story* и *discourse*. Однако их объём и содержание несколько иные. *Story* для него — тоже содержание нарратива, то, о чём рассказывается. Однако состоит *story* из событий, характеров, обстановки (*англ.* settings) и взаимодействии этих элементов в рамках сюжета (*англ.* plot). *Discourse* для М. Пауэла является риторикой нарратива. Это то, как мы рассказываем историю⁸. Таким образом, в отличие от Д. Маргера и И. Буркена и М. Штернберга, М. Пауэл расширяет понятие *story*. Для него это не только *фабула* (реконструкция событий, которые находятся в основе повествования, в хронологическом порядке), но и *сюжет*. При этом он сужает понятие *discourse*. В его понятийно-терминологической системе *discourse* — лишь речевая ткань произведения. Для наглядности можно представить особенности подходов в виде таблицы.

Таблица 1. Сравнительный анализ нарративных уровней в концепциях Д. Маргера, И. Буркена, М. Штернберга и М. Пауэлла

	долитературный уровень	литературный уровень		
		history	story	
Д. Маргера и И. Буркен	события реальной действительности	фабула	сюжет	риторика нарратива
М. Штернберг				
М. Пауэл		фабула	сюжет	риторика нарратива

Углубляться в обзор всех существующих в рамках библейской нарратологии подходов нет особого смысла. В том или ином виде мы встречаем

7 Ska J. L. «Our Fathers Have Told Us». P. 5–8.

8 См.: Powell M. What is Narrative Criticism? P. 23.

здесь упоминание лишь о двух генеративных уровнях повествования: то, о чём говорится, и то, как говорится. Без внимания остаётся уровень, который обозначен как *history*. При этом, с одной стороны, не объясняется его связь с миром произведения, с другой, не определяется роль, которую играет в его формировании сознание автора. Для теории библейского нарратива — основная задача которой продемонстрировать, что рассказ о событиях не есть сами эти события, — этого, возможно, и достаточно. Однако этого недостаточно для нарративной герменевтики библейского текста. Здесь необходима более подробная дифференциация ключевых этапов порождения повествования, чтобы описать герменевтический процесс максимально подробным образом. И на наш взгляд, модель В. Шмида как нельзя лучше подходит для этой задачи.

Для того чтобы продемонстрировать возможность использования генеративной модели применительно к тексту Писания, обратимся к материалу евангельского повествования. В качестве примера рассмотрим событие искушения Христа в пустыне в изложении евангелистов Матфея, Марка и Луки⁹.

Таблица 2. Параллели синоптических повествований об искушении Иисуса в пустыне

Мф. 4, 1–11	Мк. 1, 12–13	Лк. 4, 1–13
¹ <i>Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола,</i>	¹² <i>Немедленно после того Дух ведет Его в пустыню</i>	¹ <i>Иисус, исполненный Духа Святаго, возвратился от Иордана и поведен был Духом в пустыню.</i>
² <i>и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал.</i>	¹³ <i>И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатанюю, и был со зверями;</i>	² <i>Там сорок дней Он был искушаем от диавола и ничего не ел в эти дни, а по прошествии их напоследок взалкал.</i>
³ <i>И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами.</i>		³ <i>И сказал Ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом.</i>
⁴ <i>Он же сказал ему в ответ, написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих.</i>		⁴ <i>Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим.</i>

9 Здесь и далее используется синодальный перевод Священного Писания.

Мф. 4, 1–11	Мк. 1, 12–13	Лк. 4, 1–13
⁵ Потом берет Его диавол в святой город и ставляет Его на крыле храма,		⁵ И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени,
⁶ и говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею.		⁶ и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее;
⁷ Иисус сказал ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего.		⁷ Итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое
⁸ Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их,		⁸ Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи.
⁹ и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонись мне.		⁹ И повел Его в Иерусалим, и поставил Его на крыле храма, и сказал Ему: если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз.
¹⁰ Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи.		¹⁰ Ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе сохранить Тебя; ¹¹ и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. ¹² Иисус сказал ему в ответ: сказано: не искушай Господа Бога твоего.
¹¹ Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему.	и Ангелы служили Ему.	¹⁵ И, окончив все искушение, диавол отошел от Него до времени.

0. Референтный уровень. Перед тем как дать характеристику четырём нарративным уровням этого евангельского эпизода, необходимо отметить, что с точки зрения генеративной нарратологии у любого повествования существует референтный уровень. Он логически предшествует

первому нарративному уровню и всем последующим генеративным актам. Под референтным уровнем мы подразумеваем в пределе безграничный и совершенно непрерывный континуум событий, который существует во внеязыковой и вненарративной действительности. Речь идёт о самом потоке истории (то, что Д. Маргера и И. Буркен называют *history*). Для нарратологии этот континуум всегда есть некое таинственное X. Ведь он доступен нашему непосредственному восприятию лишь в настоящем моменте. Вне настоящего мы больше не имеем возможности быть его непосредственными участниками. После момента своего свершения произошедшее доступно нам в виде образов, хранящихся в памяти. Именно оттуда наше сознание извлекает их, чтобы создать ментальную модель, которая и обозначается в терминологии В. Шмида событийным миром. Таким образом любое повествование, которое возникает на основе ментальной модели, является лишь версией, гипотетической реконструкцией произошедшего¹⁰.

Важно отметить, что референтный уровень существует как у текста фактуального, так и фикционального. Отличие заключается в том, в фикциональном повествовании референт представлен «не в виде заданной реальной действительности, но в модусе *подразумеваемой фиктивной действительности*»¹¹. Поэтому учёные предпочитают говорить о самореферентности поэтического текста.

Согласно традиции христианской веры, евангельское повествование об искушении Спасителя имеет не фантастическую, но реальную референцию. В его основе лежит историческая действительность — непрерывный континуум событий, участниками которых являлись Христос и сатана. Однако эта действительность, с точки зрения нарратологии, не доступна нашему непосредственному восприятию, а потому является X (невыражаемой). Всё, чем мы располагаем, это три нарратива, которые предлагают свои модели-версии произошедшего.

10 Референтный уровень повествования весьма неоднороден. Для того чтобы трансформировать внеязыковую и вненарративную реальность в ментальный образ, событийный мир, наше сознание проделывает целый комплекс операций. Формирование повествовательной референтности — процесс, растянутый во времени. Его реконструкция не входит в задачи генеративной нарратологии, которая сосредоточена на внутритекстовой перспективе. Однако подобную задачу берёт на себя отчасти прагматика нарратива и нарративная герменевтика. О прагматике нарративного текста см.: Глазков А. В. Из реальности в текст и обратно: очерк прагматики нарративного текста. Москва, 2018; о нарративной герменевтике см.: Рикёр П. Время и рассказ: в 3 т. Москва; Санкт-Петербург, 1998–2000; Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2023.

11 Шмид В. Нарратология. С. 164.

1. Уровень событий. На этом уровне мы можем говорить о тематальных моделях, повествовательных мирах, которые сложились в сознании Матфея, Марка и Луки и на основании которых они создали свои нарративы.

Несмотря на то, что в пределе все Евангелия обладают общей референцией (во всех случаях это история Иисуса Христа как Сына Божия, Спасителя мира и Его Творца), а также имеют в своей основе общий для всех апостолов опыт Пасхи Христовой, мир каждого из евангельских рассказов уникален и отличается от другого по ряду признаков. Эти различия обусловлены субъективным восприятием реальности евангелистами, их индивидуальным жизненным опытом, особенностями той картины мира (в том числе языковой), которая живёт в их сознании, а также потребностями той аудитории, которой адресованы Евангелия и в целом ситуацией литературной коммуникации во всех её аспектах. Как замечает по этому поводу А. В. Глазков,

«если объективная реальность едина и независима от субъекта, то представление о реальности дискретно и субъектно-обусловлено»¹².

Таким образом, в сознании каждого евангелиста живёт своя версия истории, произошедшей со Христом и апостолами. Если бы потребовалось, они могли бы рассказывать эту историю бесконечно долго, всё больше конкретизируя и детализируя событийное пространство. В качестве указания на этот генеративный уровень повествования можно привести следующие слова апостола и евангелиста Иоанна Богослова:

«Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Ин. 21, 25; ср. Ин. 20, 30–31)¹³.

12 Глазков А. В. Из реальности в текст и обратно. С. 32.

13 В этом смысле событийный уровень можно отождествить с *фабулой* в понимании В. Шкловского, согласно которому *фабула* является не просто материалом, а совокупностью мотивов, связанных логической причинно-временной связью. В философском дискурсе аналогом «событийного мира» выступает «миф» в том значении, в котором его использует А. Ф. Лосев: как «жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность» (Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Москва, 2001. С. 41). Событийный мир — это мифологическое пространство, через призму которого автор репрезентует события. По замечанию прот. А. Меня, в трудах С. Булгакова, Н. Бердяева, И. А. Ильина и др. происходит «реабилитация» понятия мифа (Мень А., *прот.* Библиологический словарь. Т. 2. Москва, 2002. С. 210). Так, С. Булгаков указывает, что вера в Воскресение Христа могла явиться только «как “миф” в положительном значении этого слова» (Цит. по: Там же. С. 210). В этом контексте всякое сверхрациональное учение Библии может быть определено как «Миф-мифологема» (Там же).

То же самое касается историй об искушении Спасителя в пустыне. С одной стороны, каждый из этих отрывков вписан в более широкий контекст евангельского рассказа, который, в свою очередь, является лишь оттиском целой вселенной, которая живёт в сознании каждого Евангелиста. С другой стороны, даже самое краткое повествование об искушении мы можем развернуть в бесконечно долгое описание, отдельный микрокосм, который будет иметь свои параметры, заданные, в том числе, совокупностью индивидуальных характеристик автора.

2. История. Это результат авторского отбора материала. Автор рассказывает не обо всех событиях, которые живут в его сознании, но выбирает лишь некоторые из них. И об этих избранных событиях он не рассказывает целиком. Он презентует читателю лишь определённые факты, самые, на его взгляд, значимые. Автор может расчленять ситуацию, персонажа или какие-либо действия на более мелкие части, подробно характеризовать их качества, свойства и признаки, детализировать рассказ за счёт подробного описания ситуации (логической, пространственной, временной), на фоне которой происходят события. И напротив, может обобщать. В связи с этим А. В. Глазков предлагает говорить о такой характеристике повествовательного текста, как размерность. Размерность — это «степень покрытия ситуации названными фактами»¹⁴. Размерность «позволяет дробить и укрупнять факты, стремясь к бесконечно малому или бесконечно большому»¹⁵. Чем выше размерность, тем меньше фрагментация, то есть тем меньше ощущается повествовательность лакун и дискретность презентации событийного мира. На примере эпизода искушения в пустыне мы видим, что во всех трёх случаях имеет место разный набор фактов, в том числе евангелисты выбирают различную степень размерности. Повествования Луки и Матфея стремятся к максимальной размерности, по сравнению с историей Марка, которая представляет собой краткое резюме. И обратная закономерность: фрагментация версии Марка выше, чем версий Матфея и Луки.

Наряду с размерностью и фрагментацией, можно говорить также о степени конкретности отображения факта и, соответственно, его условности¹⁶. Опять же версия Марка максимально условна в отличие от двух других повествований, в которых больше конкретики.

14 *Глазков А.В.* Из реальности в текст и обратно. С. 257.

15 Там же. С. 263.

16 Описываемые в тексте события могут иметь разную степень конкретности. Так, например, А. В. Глазков выделяет и описывает четыре возможных случая. Это описания, которые

3. Наррация. Это результат сюжетного расположения повествовательного материала — осюжечивания. Автор, выстраивая сюжетную линию рассказа, располагает отобранные из событийного ряда факты в определённом порядке. При этом как сюжет в целом, так и его отдельная часть могут подчиняться тому или иному композиционному паттерну¹⁷.

Применительно к нашему случаю, в первую очередь, можно обратить внимание на отличие между Марком, с одной стороны, и Матфеем и Лукой, с другой. Если Марк принимает решение упомянуть об искушении единократно: «...был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаной» (Мк. 1, 13), то Матфей и Лука используют для описания кульминационного события одну и ту же композиционную модель — троекратный повтор. Благодаря этому возникает эффект драматического напряжения, имеющего кумулятивный характер и достигающего наивысшей точки, когда речь идёт о третьем предложении лукавого.

Также необходимо отметить, что в рамках одной и той же композиционной модели Матфей и Лука располагают материал отлично друг от друга. Речь идёт о последовательности искушений. Оба начинают с искушения хлебами, однако дальше каждый идёт своим путём: если Матфей сначала упоминает об искушении на крыле храма, затем об искушении на высокой горе, то у Луки мы наблюдаем обратный порядок. Сначала гора, потом храм. Таким образом, в одном случае кульминация достигает пика в искушении, связанном с храмом, в другом случае — с горой. Соответственно, мы имеем разные смысловые акценты: Матфей в очередной раз подчёркивает образ гор, а Лука — Иерусалима и Храма. Так троекратная модель исполняет не только драматическую функцию, но и семантическую.

Не всегда есть возможность определить тип сюжетной композиции, используя материал самого текста. Так, например, не вполне понятно, что именно считать кульминацией у Марка. А если ещё более конкретизировать вопрос, то как именно происходили события, описываемые в отрывке: «И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый

представляют: 1) конкретную ситуацию; 2) конкретную ситуацию с расширением во времени и/или модальности; 3) ситуационный тип с формированием потенциальной ситуации; 4) ситуационную модель. См.: Глазков А. В. Ситуация и текст: о типологии фактуальных текстов // Преподаватель XXI век. 2016. № 4-2. С. 578–588.

17 Пример повествовательных моделей, характерных для библейского нарратива, приводит М. Пауэл со ссылкой на исследования Д. Бауэра. См.: Powell M. What is Narrative Criticism? P. 32–34.

сатану, и был со зверями» (Мк. 1, 13)? Рассматривать их как произошедшие последовательно (сначала сорок дней поста, потом искушение, потом пришли звери) или параллельно (на протяжении сорока дней сатана искушал Его, и Он был в окружении зверей)? Или же существует какой-то третий вариант? Для разрешения этих трудностей необходимо обращаться или к синтексту, или к экзегетической традиции.

4. Презентация наррации. Это способ, которым автор презентует читателю свою историю. Речевая ткань произведения, его риторический и стилистический уровень.

Очевидно, что все три евангельских повествования отличны друг от друга. Каждое из них индивидуально, имеет свои особенности языка и стиля¹⁸.

Так, например, Евангелие от Марка отличается простотой стиля и живостью изложения. Исследователи отмечают здесь множество грамматических и стилистических неточностей, по сравнению с классической греческой прозой. Возникает впечатление, что это скорее образец устной, нежели письменной речи. Автор регулярно использует настоящее время, а также простые синтаксические конструкции, которые соединяются при помощи одних и тех же союзов и союзных слов типа «и», «тотчас», «снова», «же» и т.п. Также для стиля автора Евангелия от Марка характерно употребление многочисленных плеоназмов, уменьшительно-ласкательных имён, арамеизмов и латинизмов. При этом очевидно, что

«простой стиль (*лат. sermo humilis*) является не признаком недостаточного образования евангелиста, но средством его литературной стратегии, с помощью которой он искал доступ к возможно более широкому слою населения»¹⁹.

В случае Евангелия от Матфея обращает на себя внимание связь с иудейской книжностью. Речь идёт как об использовании ветхозаветных цитат, так и о том, что автор пишет сложным и ярким языком, изобилующим ветхозаветными образами и выражениями. Речь Спасителя афористична и характеризуется парадоксальными ритмическими повторами, которые наполнены созвучиями. По замечанию исследователей,

18 Подробно об этом см.: Евангелие. Часть II. Язык Евангелий // ПЭ. 16. С. 634–683. URL: https://www.pravenc.ru/text/347622.html#part_7

19 *Покорны П., Геккель У.* Введение в Новый Завет. Обзор литературы и богословия Нового Завета. Москва, 2012. С. 378.

«Матфей достаточно уверенно владеет греческим языком, но стилю классической прозы во мн<огих> отношениях предпочитает стиль греческого перевода В<етхого> З<авета>»²⁰.

Лука, в отличие от Марка, излагает свою версию событий «на литературном эллинистическом греческом (койне) высокого уровня»²¹. Стилистически и грамматически его изложение в большей степени соответствует нормам греческого языка. По замечанию учёных, это лучшие образцы письменности новозаветного канона. Простонародные выражения он заменяет на более возвышенные, вместо простых предложений использует сложноподчинённые, а также предложения с деепричастными оборотами и условное наклонение. В целом исследователи говорят о влиянии языка Септуагинты на стиль евангелиста Луки.

Подобная индивидуализация речи в литературном произведении может достигаться за счёт особых форм организации лексического, синтаксического, а порой фонетического и даже графического уровней презентации наррации. Выбор лексики, идиоматических выражений, тропов и фигур, а также звучания и графического оформления текста истории, хотя и не является областью исследования классической нарратологии, интересует нарратологию генеративную, а также нарративную герменевтику.

Здесь важно отметить одну особенность Евангелия как литературного текста. Подбирая речевые средства для своего повествования, автор рассматривает их не только с точки зрения коммуникативной функции, поскольку для него важно не просто донести информацию до читателя. Он также заинтересован и в том, как он это делает. А потому язык евангельского повествования — это отчасти язык поэтического произведения. В большей степени, нежели в бытовой речи, автор уделяет здесь внимание подбору слов и их расположению. Само «выражение является неотъемлемой частью заключающегося в нём сообщения»²² и в некотором смысле становится самоценным.

Выводы

Итак, в рамках настоящей статьи была рассмотрена внутритекстовая перспектива генезиса нарратива. Согласно общему взгляду учёных-литературоведов, нарративный материал, прежде чем предстать в виде

20 Евангелие. [Часть II]. Язык Евангелий. Евангелие от Матфея // ПЭ. 2007. Т. 16. С. 636.

21 Покорны П., Геккель У. Введение в Новый Завет. Обзор литературы и богословия Нового Завета. С. 480.

22 Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. Москва, 2003. С. 17.

законченного повествования, проходит определённые этапы, на которых претерпевает значимые трансформации. Отсюда обратная закономерность. Каждый повествовательный текст можно умозрительно разложить на ряд уровней его производства. Используя модель В. Шмида, мы продемонстрировали это на материале евангельского текста.

Выявление генеративных уровней литературного текста играет важную роль в рамках нарративной герменевтики. Они могут рассматриваться как этапы динамического процесса смыслообразования, а вместе с тем и как ключевые точки герменевтической активности автора во внутритекстовой перспективе. Подробная характеристика этих уровней необходима, чтобы исчерпывающе описать тот герменевтический цикл, который начинается в момент встречи сознания автора с реальной действительностью и венчается созданием текста традиции.

Библиография

- Вайс М. Библия и современное литературоведение. Метод целостной интерпретации / пер. с ивр. Иерусалим; Москва: Гешарим; Мосты культуры, 2001. (Библиотека Флавиана).
- Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии (Ветхий Завет) / [пер. с итал. Н. Костомаровой]. Милан; Москва: Христианская Россия, 1992 (переизд. 1995).
- Глазков А. В. Ситуация и текст: о типологии фактуальных текстов // Преподаватель XXI век. 2016. № 4-2. С. 578–588.
- Глазков А. В. Из реальности в текст и обратно: очерк прагматики нарративного текста. Москва: Де’Либри, 2018.
- Евангелие // Православная энциклопедия. Т. XVI: Дор — Евангелическая церковь союза. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. С. 585–683. [Электронный ресурс]. URL: www.pravenc.ru (дата обращения: 9.7.2025).
- Клейменова В. Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 143. С. 94–102.
- Лосев А. Ф. Диалектика мифа / [сост., подгот. текста, вступ. ст. А. А. Тахо-Годи]. Москва: Мысль, 2001. (Мир эстетики и культуры).
- Мень А. В. Библиологический словарь: [в 3 т.]. Т. 2: К–П. Москва: Фонд имени Александра Меня, 2002.
- Покорны П., Геккель У. Введение в Новый Завет: Обзор литературы и богословия Нового Завета / пер. с нем. Москва: Изд. ББИ, 2012. (Серия «Современная библеистика»).
- Райкен Л. Библия как памятник художественной литературы / пер. с англ. Киев; Санкт-Петербург: Центр просветительских программ Международной ассоциации христианских школ, 2002.
- Рикёр П. Время и рассказ: в 3 т. / пер. с фр. Т. В. Славко (т. 1, 2), И. П. Блауберг (т. 3). Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998–2000. (Книга света).

- Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика: учебное пособие. Москва: Аспект Пресс, 2003.
- Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. 2-е изд. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2023.
- Шмид В.* Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. (Studia philologica).
- Alter R.* The World of Biblical Literature. [New York (N. Y.): BasicBooks, 1992.
- Gabel J. B., Weeler C. B.* The Bible as Literature: An Introduction. New York (N. Y.): Oxford University Press, 1986.
- Frye N.* The Great Code: The Bible and Literature. New York (N. Y.): Harcourt Brace Jovanovich, 1982.
- Marguerat D., Bourquin Y., Durrer M.* How to Read Bible Stories: An Introduction to Narrative Criticism. London: SCM Press, 1999.
- Powell M. A.* What is Narrative Criticism? Minneapolis (Minn.): Fortress Press, 1990. (Guides to Biblical Scholarship).
- Ska J. L.* «Our Fathers Have Told Us»: Introduction to the Analysis of Hebrew Narratives. 2nd ed. Roma: Editrice Pontificio Istituto Biblico, 2000.
- Sternberg M.* The Poetics of Biblical Narrative: Ideological Literature and the Drama of Reading. Bloomington (Ind.): Indiana University Press, 1987.